

Joanna Piotrowska
Uniwersytet Warszawski

Уход Льва Толстого (1910) в оценке русской и польской прессы

Восприятие в Польше творчества и религиозно-философских взглядов Льва Толстого стало предметом научных исследований, начиная с 50-х гг. XX в.¹ В то же время польская рецепция *биографии* русского писателя, отраженная прежде всего в огромном количестве газетных и журнальных публикаций, посвященных его уходу из Ясной Поляны и смерти, по сегодняшний день остается практически неизученной². При этом, на наш взгляд, в первую очередь следует обратиться к рассмотрению публикаций в периодических изданиях, печатавшихся в Царстве Польском и на остальных исторически связанных с Польшей территориях Российской Империи. Указанная польская пресса – материал не только необычный, но, может,

¹ Здесь следует особо выделить посвященные этой тематике монографии Б. Бялокозовича: B. Białokozowicz, *Lwa Tolstoja związki z Polską*, Książka i Wiedza, Warszawa 1966 (см. прежде всего главу „Переписка Толстого с поляками”); idem, *Marian Zdziechowski i Lew Tolstoj*, Łuk, Białystok 1995; idem, *Z polskiej karty Lwa Tolstoja. Nowe i zapomniane o Tolstoju i jego percepcji w Polsce*, Wyd. UWM, Olsztyn 2003. Полную библиографию работ Б. Бялокозовича по указанной тематике см. в книге: *W zgodzie z sumieniem*, red. J. Strycharski, Centrum Badań Europy Wschodniej UWM w Olsztynie, Olsztyn 2012, с. 91–151 (составитель библиографии: I. Rudziewicz). См. также важнейшие работы других исследователей по теме рецепции Льва Толстого в Польше: A. Semczuk, *Prus o Lwie Tolstoj*, „Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego” 1954, № 3, с. 140–168; idem, „Zmartwychwstanie” *Lwa Tolstoja w polskiej opinii*, „Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego” 1956, № 3/4, с. 3–64; F. Sielicki, *Lew Tolstoj w polskiej krytyce literackiej lat 1918–1939*, „Slavia Orientalis” 1960, № 1, с. 33–68; P. Grzegorzczak, *Lew Tolstoj w Polsce. Zarys bibliograficzno-literacki*, PIW, Warszawa 1964; A. Semczuk, *Bolesław Prus jako krytyk Lwa Tolstoja*, [в:] *O wzajemnych powiązaniach literackich polsko-rosyjskich. Tom poświęcony VI Międzynarodowemu Kongresowi Słowistów w Pradze*, pod red. S. Fiszmana i K. Sierockiej przy współud. T. Kołakowskiego, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wrocław etc. 1969, с. 143–158; E. Tymoczko-Tichoniuk, *Krakowska „Krytyka” o twórczości Lwa Tolstoja*, [в:] *Lew Tolstoj i kultury słowiańskie*, pod red. B. Białokozowicza, Wyd. UWM, Olsztyn 2005, с. 143–151; D. Małyszczek, *Zygmunt Miłkowski wobec poglądów Lwa Tolstoja u schyłku XIX stulecia*, „Studia Polonijne” 2007, t. 28, с. 135–145.

² Нам известны лишь две статьи по этой теме: J. Orłowski, *Ostatnie lata życia Lwa Tolstoja w zwierciadle prasy lubelskiej*, „Slavia Orientalis” 2010, № 4, с. 499–510; A. Semczuk, *Échos polonais à la mort de Tolstoj*, traduit du russe par M. Aucouturier, „Revue des études slaves” 2010, t. LXXXI, с. 47–52.

даже уникальный. С одной стороны, она представляла не совсем „чужой” взгляд на Россию – причастность к этому государству сказывалась на содержании польской печати (по сравнению с польскими газетами и журналами, которые выходили на территориях, относившихся к Пруссии и Австрии, польскоязычная пресса Российской Империи гораздо чаще и обстоятельнее описывала и комментировала темы, связанные с Россией). С другой стороны, это был взгляд несомненно инокультурный, взгляд людей в основном не православных, воспитанных в других бытовых традициях, к тому же – взгляд людей, по воле самой России потерявших независимость.

В этой связи перспективность изучения означенного материала обеспечивают его новизна, значимость для толстоведения и историко-культурная ценность в целом. Не менее важными мы считаем теоретический и методологический аспекты, т.е. выявление и осмысление факторов, обуславливающих т.н. „культурный трансфер”, а также механизмов формирования прессой определенного образа другой культуры.

Далее мы рассмотрим оценки и интерпретации ухода Толстого из Ясной Поляны (28 октября 1910 г.) в изданиях Царства Польского, но до того обозначим основные тенденции в характере восприятия этого события русской прессой.

Одним из первых печатных выступлений по этому поводу был фельетон Александра Алексеевича Измайлова *Легенда XX века*, опубликованный в либеральной деловой петербургской газете „Биржевые ведомости”³. Именно этот текст цитировали и пересказывали польские газеты, да и многочисленные русские периодические издания повторяли (с разными вариациями) представленную в нем интерпретацию ухода Толстого.

Так, Измайлов, высоко оценивая поступок Толстого, рассматривает его как осуществление писателем на деле положений созданного им учения. Для этого фельетонист отталкивается от распространенных мнений о несовпадении „слов” Толстого и его „дел” (например, проповедь опрощения и в то же время – обеспеченная жизнь в атмосфере пристальной заботы со стороны семьи). Толстого до ухода Измайлов видит через суждение Кнута Гамсуна: „«В этом писателе и мыслителе мне чувствуется какая-то честная фальшь», – написал однажды о Толстом Кнут

³ А. Измайлов, *Легенда XX века*, „Биржевые ведомости” 1910, № 11996 (30 октября, веч. вып.), с. 2. Все публикации в русской прессе цитируются по антологии: *Уход и смерть Льва Толстого. Корреспонденции. Статьи. Очерки*, сост., подгот. текста, комментарии, указат., статья А. С. Александрова, Э. К. Александровой, вступ. статья В. Е. Багно, под ред. А. В. Лаврова, Изд. Пушкинского Дома, Санкт-Петербург 2010.

Гамсун, прекрасно формулируя мысль, разделяемую огромным числом нашей [русской – И.П.] интеллигенции”⁴. Но, по мнению Измайлова, своим уходом из Ясной Поляны Толстой уничтожил эту „честную фальшь”, „жестокую фальшь” своей жизни. В заключение публицист пишет: „То, чего так недоставало Толстому, – дела, завершающего слово, – теперь налицо. На здание его учения положен последний камень”⁵. При этом Измайлов вводит поступок Толстого в более широкий культурный контекст, видя в его уходе как „что-то былинное, типично русское”, так и библейское: „если бы [...] не вернулся и исчез” этот „маститый *патриарх* [здесь и далее курсив наш – И.П.] нашей литературы”, казавшийся „каким-то *блаженным* или *младенцем*”, то, как предвидит Измайлов, „мировая история в 20-м веке получила бы пленительной красоты легенду, от которой веяло бы силою *первых сказаний Библии*”.

В преобладающем большинстве последующих выступлений в русской печати уход Толстого интерпретировался сходным образом и был воспринят с большим уважением и почтением. Приведем лишь два примера: „великий писатель [...] осуществил реально то, что идеально подсказывала ему вся предшествовавшая деятельность”⁶ – пишет публицист петербургского „Современного слова”; ему вторит журналист провинциальной, житомирской, газеты „Волянь”: „Толстой в течение всей своей жизни последовательно, шаг за шагом стремился к тому, что он сделал теперь. Он никогда не был только проповедником, только моралистом, развивающим всевозможные отвлеченные истины, но предоставляющим осуществление этих истин другим [...] он постепенно уходил от мира и общества и вот довел свое дело до конца”⁷. Показательны в этом плане характеристики, данные журналистами как самому Толстому, так и его поступку. Назовем всего лишь некоторые из них: Толстой – это „царственный лев духа”⁸, „гениальный сын России, ее свет и светоч, [...] бриллиант в духовной короне родины-матери”⁹, „гигант, поднявшийся над утлым миром, мудрец, имя которого уже в настоящее время стоит на одном уровне с именами духовных вождей человечества, пророк, значение которого будет тем

⁴ Ibidem.

⁵ Ibidem.

⁶ Ал. Ожигов [Н. П. Ашешов], *К вечному покою*, „Современное слово” 1910, № 1015 (31 октября), с. 1.

⁷ Апрельев, *Без любви и понимания*, „Волянь” 1910, № 303 (4 ноября), с. 2.

⁸ И. Н. Потапенко, *Великое одиночество*, „Биржевые ведомости” 1910, № 11997 (31 октября, утр. вып.), с. 2.

⁹ Ал. Ожигов [Н. П. Ашешов], *op. cit.*, с. 1.

большее, чем дальше будет удаляться он в глубины истории”¹⁰. Уход Толстого из Ясной Поляны – „бестрепетный шаг”¹¹, „великий и страшный подвиг”, который „ему одному [...] и по силам в настоящее время”¹², „событие [...] огромной величины”, „великий символ, великая легенда”, „факт большого душевного человеческого подвига”¹³, „факт небывалый в истории мировой литературы”¹⁴. Этот ряд можно продолжить.

Помимо представленной доминирующей интерпретационной линии, среди выступлений в русской печати, как правило, правого и консервативного толка, вырисовывается другая, критическая, линия, приобретающая разные оттенки. Здесь толстовский уход обычно предстает средством саморекламы; событием, которое „раздули” журналисты. Так, например, газета „Колокол” (периодическое издание черносотенного направления) высказала предположение, что „газетный шум” вокруг Толстого создан „кликкой” сторонников либеральных идей, использующей фигуру писателя в собственных политических целях¹⁵. Газета „Русская земля” (орган Русского Монархического Союза) увидела в уходе четко продуманный, рассчитанный на публику шаг Толстого, якобы „настойчиво требующего к себе напряженного внимания”¹⁶. „Лев Толстой, – писала газета, – не может жить без шума вокруг своего имени. [...] Он, как индийский факир, наслаждается созерцанием собственного пупка и больше ничего знать не хочет. [...] О нем молчали некоторое время, теперь о нем опять говорят. И он бесконечно счастлив. Что же, пусть потешат этого старого младенца!”¹⁷.

Обращаясь к восприятию ухода Толстого польскими газетами, укажем, что при сравнении с русской прессой расхождения обнаруживаются уже в способе номинации. Все польские газеты чуть ли не в обязательном порядке упоминают графский титул Толстого: „граф Лев Толстой”, „граф Толстой”, иногда просто „граф”. Значительно реже встречаются другие характеристики, такие как: „великий русский писатель”¹⁸, „великий

¹⁰ А. Александров, *Власть земли и власть неба*, „Южная заря” 1910, № 1332 (3 ноября), с. 1.

¹¹ А. Доброхотов, *Великий шаг*, „Утро России” 1910, № 288 (31 октября), с. 2.

¹² Ал. Ожигов [Н. П. Ашешов], *op. cit.*, с. 1.

¹³ С. Р. [С. С. Раецкий], *Бегство из великого плена*, „Утро России” 1910, № 288 (31 октября), с. 3.

¹⁴ [Б.п.], *Беседы с читателями*, „Время” 1910, № 76 (31 октября), с. 2.

¹⁵ К., *Где он?*, „Колокол” 1910, № 1383 (2 ноября), с. 1.

¹⁶ Тучетон, *Толстой и фраза*, „Русская земля” 1910, № 239 (4 ноября), с. 2.

¹⁷ *Ibidem*.

¹⁸ б., „*Ucieczka*” *Tolstoja*, „Kurier Warszawski” 1910, № 318 (17 (4) listopada), с. 14; м., *Chory lew...*, „Kurier Polski” 1910, № 318 (17 (4) listopada), с. 2.

писатель”¹⁹, „знаменитый писатель”²⁰, „автор *Войны и мира*”²¹, „пожилой писатель из Ясной Поляны”²², „писатель почтенных лет”²³, „русский художник почтенных лет”²⁴, „известный русский писатель и мыслитель”²⁵, „великий старец из Ясной Поляны”²⁶, „мыслитель почтенных лет”, „объект преклонения и восхищения для многочисленных представителей русского народа”²⁷, „законченный агностик” (характеристика из католического издания „*Polak–Katolik*”)²⁸, „лев” (игра слов в заголовке *Больной лев*²⁹), „пожилой Лев Толстой”³⁰, „великий Лев Толстой”³¹. Этим списком практически исчерпываются характеристики, данные Толстому польской прессой. Таким образом, польские журналисты акцентируют внимание своих читателей на следующих элементах: высокое положение Толстого на социальной лестнице, его писательская деятельность, получившая мировое признание, почтенный возраст и авторитет у русского народа. Проповедническая ипостась Толстого, его нравственно-философская деятельность, которая была значима для русских журналистов, в польской прессе практически никак не отражена (в качестве исключения можно рассматривать разве что характеристики в газете „*Polak–Katolik*”, подчеркивающей отпадение Толстого от религии).

Оценки и интерпретации ухода Толстого в польской прессе можно, как в случае с русскими газетами, разделить на две группы.

¹⁹ [B.p.], *Odnalezienie hr. Tolstoja*, „*Kurier Polski*” 1910, № 316 (15 (2) listopada), с. 1; [B.p.], *Lew Tolstoj*, „*Kurier Poranny*” 1910, № 320 (18 (5) listopada), с. 1.

²⁰ [B.p.], [b.t.], „*Kurier Poranny*” 1910, № 315 (13 listopada / 31 października), с. 3; [B.p.], *Zniknięcie Tolstoja*, „*Kurier Polski*” 1910, № 315 (14 (1) listopada), с. 1.

²¹ b., „*Ucieczka*” *Tolstoja*, op. cit., с. 14.

²² [B.p.], *Tolstoj ukrył się*, „*Słowo*” 1910, № 515 (12 listopada / 30 października, numer wieczorny), с. 1; [B.p.], *Zniknięcie Lwa Tolstoja*, „*Kurier Polski*” 1910, № 314 (13 listopada / 31 października), с. 1.

²³ [B.p.], *Zniknięcie Lwa Tolstoja*, с. 1; [B.p.], *Tolstoj ukrył się*, с. 2.

²⁴ [B.p.], *Choroba Tolstoja*, „*Słowo*” 1910, № 523 (17 (4) listopada, numer wieczorny), с. 3.

²⁵ [B.p.], *Zniknięcie hr. Lwa Tolstoja*, „*Nowa Gazeta*” 1910, № 519 (12 listopada / 30 października, wyd. popołudniowe), с. 4; [B.p.], *Zaginienie hr. Lwa Tolstoja*, „*Polak–Katolik*” 1910, № 258 (12 listopada / 30 października), с. 3.

²⁶ [B.p.], *Zaginienie hr. Lwa Tolstoja*, „*Kurier Warszawski*” 1910, № 313 (12 listopada / 30 października, dodatek poranny), с. 5; [B.p.], *Choroba Tolstoja*, „*Nowa Gazeta*” 1910, № 529 (18 (5) listopada, wyd. popołudniowe), с. 6.

²⁷ [B.p.], *Choroba Tolstoja*, „*Nowa Gazeta*”, с. 6.

²⁸ [B.p.], *Zaginienie hr. Lwa Tolstoja*, „*Polak–Katolik*”, с. 3.

²⁹ m.: *Chory lew...*, с. 2.

³⁰ [B.p.], *Choroba Tolstoja*, „*Nowa Gazeta*” 1910, № 527 (17 (4) listopada, wyd. popołudniowe), с. 5.

³¹ m.: *Chory lew...*, с. 2.

К первой группе мы отнесем публикации, для которых характерны умеренность тона, установка на объективность и нейтральность. Речь идет в первую очередь о комментариях в двух варшавских газетах – „Kurier Warszawski” и „Gazeta Warszawska”.

Так, в заметках, опубликованных ведущей, самой читаемой в Царстве Польском газетой „Kurier Warszawski”, которая не была органом какой-либо партии, акцент делается на незаурядной личности Толстого: „в Толстом, – читаем в заметке, – всегда соединялись писатель-беллетрист и философ-идеалист, общественный реформатор и создатель секты, мыслитель, в котором национальное начало сочеталось с сильной индивидуальностью, наконец, исключительная склонность к аскетизму и мистицизму”³². При этом особое внимание обращено на пристальный интерес западноевропейской прессы к уходу Толстого, превосходящий даже, по мнению газеты, интерес восточноевропейской печати. „Kurier Warszawski” объясняет эту ситуацию тем, что „там [в Западной Европе – И. П.] всегда будет в значительной мере непонятым душевный порыв автора *Войны и мира*”³³. Как видим, журналисты используют оппозицию „Восточная – Западная Европа”, чтобы подчеркнуть близость поляков к русским и таким образом акцентировать, что сущность ухода Толстого понятна и полякам.

Говоря о восприятии газетой „Kurier Warszawski” поступка Толстого, необходимо отметить еще один интересный момент: несмотря на то, что газета довольно широко использовала материалы из русской прессы, кратко излагая их содержание, она не упомянула ни одного выступления, где уход рассматривается в контексте толстовского учения, как осуществление Толстым собственных идей (такая трактовка, как мы помним, доминировала в русской печати).

Установка на беспристрастное представление толстовского ухода характерна также для другого довольно популярного издания – „Gazeta Warszawska”, которое выражало интересы консерваторов с националистским уклоном. Газета указывает, что „русская пресса очень высоко оценивает поступок Толстого, видя в этом достойный венец его учению”³⁴,

³² „w osobie Tolstoja jednoczył się zawsze pisarz-beletrysta i filozof-idealista, reformator społeczny i twórca sekty, umysł, w którym kojarzyły się pierwiastki narodowościowe z silną indywidualnością własną, a wreszcie skłonność wybitna do askezy i mistycyzmu”. b., „Ucieczka” Tolstoja, c. 14.

³³ „tam [w Europie Zachodniej – J. P.] bowiem zawsze pozostanie w znacznej części niezrozumiałym odruch psychiczny autora *Wojny i pokoju*”. Ibidem.

³⁴ „Prasa rosyjska bardzo wysoko podnosi czyn Tolstoja, widząc w nim godne uwieńczenie jego nauki”. [B.p.], *Miejsce pobytu L. Tolstoja*, „Gazeta Warszawska” 1910, № 312 (14 (1) listopada), c. 3.

однако она не сопровождает эту констатацию каким-либо комментарием. Публикация лаконичного изложения фельетона Измайлова *Легенда XX века* могла бы быть аргументом в пользу того, что „Gazeta Warszawska” по большому счету разделяет точку зрения автора. Однако пафос измайловского текста в пересказе, сделанном газетой, был изменен: „Противоречие между учением об опрощении, об отказе от любых мирских благ и барскими условиями, в которых жил Толстой, было поистине поразительным. Уже Кнут Гамсун [...] заметил, что жизнь этого человека [т.е. Толстого – И. П.] основывается на «честной фальши». На исходе своей жизни, будучи 82-летним старцем, Толстой, *вероятно*, решил с этой «честной фальшью» покончить”³⁵. Ключ к пониманию различия между фельетоном и его польским изложением лежит в слове „вероятно”. Если для Измайлова уход имеет однозначный смысл – Толстой покинул Ясную Поляну, чтобы осуществить на деле свое учение, то в изложении эта интерпретация не представлена как абсолютно верная, единственно возможная, есть какая-то доля сомнения в том, что именно так нужно толковать поступок писателя.

Для польских публикаций, относящихся ко второй группе, характерно открыто выраженное негативное восприятие ухода Толстого и его личности в целом. Варьируются лишь оттенки интерпретации и способы выражения критики.

Так, газета „Słowo”, испытывающая влияние примиренцев, сторонников сотрудничества с властью, рассматривает уход как „новую необычную идею”, очередное проявление „некоторой оригинальности или, может, даже ненормальности”³⁶ Толстого. Это поступок, пишет газета, в духе „целого ряда странных действий Толстого в последние годы”, среди которых „то сочетание удобных палат яснополянского дворца с крестьянской сермягой, то отказ от гонораров, получаемых за произведения, о которых, однако, продолжала заботиться супруга писателя, то весь образ жизни, то последние публичные выступления”³⁷. С точки зрения газеты,

³⁵ „Sprzeczność między nauką o ubóstwie i wyrzeczeniu się wszelkich dóbr ziemskich i wielkopańskim otoczeniem, wśród którego Tołstoj mieszkał, była zbyt uderzająca. Już Knut Hamsun [...] zauważył, że życie tego człowieka jest oparte na «uczciwym kłamstwie». Tołstoj u schyłku dni swoich, jako starzec 82-letni, postanowił *widocznie* skończyć z tem «uczciwym kłamstwem». Ibidem.

³⁶ [B.p.], *Tołstoj ukrył się*, с. 2.

³⁷ „Czy to połączenie wygodnych salonów [в источнике опечатка – „salonach” – J. P.] jasnopolańskiego pałacu z wieśniaczą sukmaną, czy to wyrzeczenie się wszystkich dochodów z dzieł, którymi jednak nie przestała się opiekować małżonka pisarza, czy cały tryb życia, czy ostatnie wystąpienia publiczne”. Ibidem.

Толстой если не сумасшедший, то, по крайней мере, чудак, и таким образом следует воспринимать его уход из Ясной Поляны.

В свою очередь газета „Goniec”³⁸, орган правых с националистским уклоном, представила поступок Толстого вместе с последующей на него реакцией как событие редкое по своему комизму. В заметке под заголовком *Робинзонада гр. Льва Толстого* читаем: „Граф Лев Толстой, который тридцать лет «томился» в великолепном дворце Ясной Поляны, [...] исчез вдруг [...] вместе со своим личным врачом, д-ром Маковицким. [...] Эффект был огромным. [...] Все чувствительные и жаждущие сенсации сердца по всей Европе задрожали в приятном волнении. Какой-то современный русский писатель уже написал черным по белому в *Бирж[евых] вед[омостях]*: «Если гр. Толстой не вернется, но исчезнет, то мировая история в XX веке получит пленительной красоты легенду, от которой будет веять силою первых сказаний Библии»³⁹. Автор заметки приводит отрывок из фельетона Измайлова, но лишь для того, чтобы высмеять его пафос. Этот прием – саркастическая трактовка возвышенных реакций на уход Толстого – использовался журналистами и в дальнейшем. Кроме того, газета довольно активно цитирует источники, где представлена негативная точка зрения на поступок писателя. Чтобы подчеркнуть различия в восприятии толстовского ухода представителями русской и западноевропейской культуры, газета приводит высказывание Павла Хейзе, немецкого писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе за 1910 год: „Толстой – комедиант. Это комедийные номера. Кто 80 лет жил в собственном имении, тот спокойно мог бы прожить в нем остаток дней своих. Если Толстой сбежал из Ясной Поляны не по семейным причинам, то он это сделал от старческой дряхлости или со скуки»⁴⁰. Газета „Goniec”, как ранее „Kurier Warszawski”, актуализирует оппозицию „Восточная – Западная

³⁸ Газета выходила в двух вариантах – утреннем („Goniec Poranny”) и вечернем („Goniec Wieczorny”).

³⁹ „Hr. Lew Tołstoj, który od trzydziestu lat „męczył się” we wspaniałym pałacu Jasnej Polany, [...] zniknął nagle [...] wraz ze swym lekarzem przybocznym, d-rem Makowickim. [...] Efekt był ogromny. [...] Wszystkie tkliwe i spragnione sensacji serca w całej Europie zdrząły w lubym niepokoju. Jakiś aktualny pisarz rosyjski napisał już czarno na białem w *Birż. Wied.* [„Birżewyje wiadomości” – J. P.] „Jeżeli hr. Tołstoj nie wróci, ale zginie, – dzieje świata w XX wieku pozyskają legendę upajającej piękności, od której powieje moc pierwszych rozdziałów Biblii”. [B. p.], *Robinsoniada hr. Lwa Tołstoja*, „Goniec Wieczorny” 1910, а 522 (14 (1) listopada), с. 2.

⁴⁰ „Tołstoj jest komedjantem. To są komedjanckie szusy. Kto przez lat 80 mieszkał we własnym majątku, mógłby z powodzeniem przeżyć w niem tę resztę lat życia, która mu pozostaje. Jeżeli Tołstoj nie uciekł z Jasnej Polany ze względów na stosunki rodzinne, uczynił to z powodu starczej zgrzybiałości, lub z nudy”. [B.p.], *Tołstoj i Heyse*, „Goniec Poranny” 1910, № 533 (20 (7) listopada), с. 6.

Европа”, где Восточная Европа – это восторженное, т.е. неадекватное, а Западная Европа – скептическое, т.е. адекватное, восприятие происходящего. Таким образом, указанная оппозиция представлена в польской прессе двумя противоположными идеологическими вариантами: если „*Kurier Warszawski*” с ее помощью стремился указать на определенную близость русских и поляков, в частности, в видении Толстого и его ухода, то газета „*Goniec*” при помощи того же противопоставления пытается подчеркнуть различия между русскими и поляками и сходства последних с Западом.

Итак, заинтересованность польской прессы уходом Толстого была столь же высока, как русской печати, однако в характере рецепции этого события польскими и русскими газетами прослеживаются существенные различия. В русской периодической печати на первый план выдвигается восприятие ухода Толстого в контексте его учения. Польские же газеты, рассматривая толстовский поступок, концентрировались на личности писателя, и видели в нем либо человека необычного, незаурядного (как правило, аполитичные издания), либо чудака и комедианта (как правило, печатные органы консерваторов и правых, взгляд которых на уход Толстого близок со взглядом русских консервативных изданий). Несмотря на то, что вся польская пресса использовала материалы из русскоязычной печати, указания на значимость созданного Толстым учения для интерпретации его ухода в польских газетах практически отсутствуют. Причина этого – характер обращения с русскими публикациями, актуализирующими этот аспект: изменение их содержания либо вообще игнорирование подобных выступлений. Эту ситуацию можно объяснить прежде всего совершенно иным статусом Толстого в польском культурном пространстве (писатель, автор художественных произведений, а не нравственный авторитет). Возможно, следует учитывать также религиозный аспект толстовского учения, отрицающего догматические основы христианства, и значимость для польского общества католицизма как важного элемента национальной идентичности.

Streszczenie

Ucieczka Lwa Tolstoja (1910) w ocenie rosyjskiej i polskiej prasy

W artykule omówione zostały reakcje prasy rosyjskiej i polskiej (przede wszystkim – warszawskiej) na słynną ucieczkę Lwa Tolstoja z Jasnej Polany w 1910 r. Analiza porównawcza publikacji pozwoliła zauważyć, że gazety polskie pisały o tym zdarzeniu stosunkowo dużo i często, lecz interpretowały je odmiennie niż gazety rosyjskie. Prasa rosyjska odczytywała ucieczkę głównie w kontekście stworzonej przez Tolstoja nauki, natomiast prasa polska w kontekście

osobowości pisarza – jako czyn niezwykłego człowieka lub też, podobnie do rosyjskiej prasy konserwatywnej, jako desperacki krok szaleńca czy komedianta. Tę zasadniczą różnicę w interpretacji można tłumaczyć przede wszystkim odmiennym statusem Tolstoja w rosyjskiej i polskiej przestrzeni kulturowej – dla Polaków Tolstoj był w głównej mierze wybitnym pisarzem, nie zaś, jak dla Rosjan, autorytetem moralnym. Istotnym czynnikiem mógł być również światopogląd późnego Tolstoja, zwłaszcza jego poglądy religijne, i znaczenie dla społeczeństwa polskiego katolicyzmu jako jednego z ważnych elementów tożsamości narodowej.

Summary

Leo Tolstoy's escape (1910) in the opinion of Russian and Polish press

The paper discusses reactions of Russian and Polish (first of all – Warsaw) press to the famous Leo Tolstoy's escape from Yasnaya Polyana in 1910. A comparison between publications shows that Polish newspapers wrote relatively much and regularly about the event, but interpreted it in a different way than the Russian ones. While the Russian press explained Tolstoy's escape mostly in the context of his beliefs and views, the Polish one clarified the situation through the personality of the writer, as an act of an extraordinary person or a desperate step of a madman or of a pretender (such interpretation was also presented by the Russian conservative press). This fundamental difference in interpretation can be explained first of all by another status, which Tolstoy had between the Russian and Polish people – for the Poles he was mainly not, as in Russia, a moral authority, but an outstanding writer. Tolstoy's world-view could also play an important role, especially his religious views, and the significance of Catholicism for the Polish people as one of the most important elements of the national identity.

Key words: Leo Tolstoy, escape, Yasnaya Polyana, Russian press, Polish press.